

ЗАВОДСКОЙ

Мужик стоял возле киоска. Просто стоял и молчал. И вдруг заговорил – ни к кому не обращаясь, ни на кого не глядя, как бы сам с собой:

– Сорок лет... Сорок лет жизни отдал... Разве это поймёшь? Разве теперь это кому нужно?..

Заводская проходная, словно поврежденная вена, выталкивала рабочий люд – закончилась дневная смена. Дальше поток становился равномерней, густел, обтекал мужика у киоска и расползался по неуютному, мокрому февралю.

Мужик стоял прочно, расставив ноги, не шатаясь. Определить, что он слегка пьян, можно было только вблизи, по свежему, ещё приятному, водочно-му запаху. Наклонив вперед большую голову и глядя прямо перед собой, он продолжил:

– Как из армии пришел – сразу на «Сталепрокатный». Я ж его строил. С самого начала... Почти тридцать лет в «термичке» – это вам не хухры-мухры. Какие ребята были!.. Конечно, те, кто с этим делом дружил, – он невнятно махнул рукой в сторону шеи, – давно уж убрались... Фотки теперь смотрю – всех помню!.. А потом нас москвичи купили. Кто в возрасте, на пенсию разогнали. Добровольно принудительно, так сказать... Я ж в пятьдесят – по «горячей сетке»... Начальник цеха, Генка – учеником у меня был, говорит: «Иван Иванович, давай на проходную, в охрану». Взяли. Тринадцать лет в охране...

Он снимал шапку, широкой короткопалой ладонью тёр лысеющую голову и говорил снова:

– Сначала Москва, теперь вот Череповец. Лакомый кусок-то, вот и рвут друг у друга... И ведь документы на электроды там, канат, прокат как оформляют теперь – будто всё это в Череповце делается!.. Из охраны погнали – сокращение. Обещали к пенсии триста рублей приплачивать, если нигде работать не буду. А сил-то ещё полно!.. А если и буду, как они узнают? Можно ведь жену оформить, а работать самому. Теперь всё можно... С другой сторо-

ны, дел-то – навалом. Дачу достроить надо, квартиру отремонтировать... Может, подождать с работой, а?

Заводской народ разъехался по домам решать семейно-бытовые вопросы, а мужик всё стоял, глядя в какую-то, ему одному видимую, точку.

– Сорок лет... А теперь... Да нет, всё – правильно. Всё законно, но... пусто-то ка-а-к!..

Он тряхнул головой, будто стряхивал наваждение, сгорбился и пошёл в сторону по противно чавкающему снежному месиву. Твёрдо пошёл, хотя едва ли сам знал, куда.

Февраль 2004 г.